

А. С. Пащенко

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ВОПРОСЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИИ

В статье автор раскрывает историю возникновения общественных взглядов на вопросы насилия в семье в России начала XX века. Комментируется российское законодательство начала XX в. в области семейной жизни мужа и жены. Рассматриваются традиции, существовавшие в российских семьях и отразившиеся в законах того времени.

Ключевые слова: домашнее насилие, патриархат, гендерные отношения, брачные отношения, жестокое обращение, эмансипация, семейные отношения.

A. S. Paschenko

HISTORY OF THE ORIGIN OF PUBLIC VIEWS RELATED TO THE PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA

In the article the author considers the history of the origin of public views concerning the problems of family violence in Russia in the beginning of the 20th century. The Russian legislation in the field of family relationship between a wife and a husband is commented. The traditions typical for Russian families and stated in the laws of the mentioned period of time are analyzed.

Keywords: domestic violence, patriarchy, gender relationship, marriage relationship, violent treatment, emancipation, family relationship.

*«Брак считается пожизненным союзом;
он прекращается со смертью одного из супругов»*

Энциклопедия домашнего хозяйства

Домашнее насилие существовало всегда; на протяжении всего человечества мы можем найти свидетельства несправедливости и агрессии, проявляемых по отношению к женам и детям, однако в России эта тема стала привлекать пристальное внимание специалистов и населения только в последние пятнадцать лет. Произошло это не само по себе, огромную роль в этом процессе сыграл и исторический фактор. Падение советского режима во второй половине восьмидесятых годов не только сыграло свою роль в ослаблении прежних догм и компрометации бывших клише, но и продемонстрировало, что под толстым слоем коммунистической идеологической лепнины скрываются другие идеологические системы, не свободные от патриархатных составляющих.

Для того чтобы исследовать эти вновь «открытые» системы, необходимо было разрабатывать и новый понятийный аппарат, и новые методологические подходы.

К началу XX в. российское государство пришло в состояние патриархатного транса, отягощенное строгой системой иерархических построений, многослойных структур и требованиями статичности гендерных отношений. Не случайно, что семья в этой ситуации являлась важной картой в политической борьбе за власть, происходившей среди существовавших тогда правительственных, церковных и профессиональных элит. Как отмечает американская исследовательница Лора Энгельштейн, «Сфера регулирования проблем,

связанных с жизнью семьи и половыми отношениями, явилась как бы полем боя, на котором схватились православная церковь, самодержавие и верхушка профессиональных групп в борьбе за установление основополагающих принципов, долженствующих определить социальный, политический и гражданский строй императорской России» [19, с. 27].

Российское законодательство начала XX в. представляло собой пеструю смесь законов, дополняющих и дублирующих друг друга. Под видимой упорядоченностью скрывался смысловой хаос. Стоит особо отметить, что пространство семейных отношений регулировалось четырьмя отдельными видами права — гражданским, уголовным, церковным и административным. Все попытки проведения или инициирования судебных реформ наткнулись на жесткое сопротивление не только открытых приверженцев патриархата и традиционных ценностей, в системе приоритетов на которых семья всегда стояла на одном из первых мест, но и на инертность огромной бюрократической машины, открыто тормозящей или лениво саботирующей возможность любых нововведений [13, с. 45].

Существовавшее законодательство придерживалось патриархатного подхода к принципам устройства семейной жизни и было маркировано отсутствием каких бы то ни было женских прав. Так, например, существующие статьи рассматривали отношения власти и контроля в семье как основную норму ее функционирования. Но, как видно из приведенных ниже выдержек из существовавшего тогда законодательства, муж и жена занимали в этих отношениях принципиально разные иерархические позиции:

«Статья 106. Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей.

Статья 107. Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семьи, пребывать к нему в любви, почтении и послушании, оказывать ему

угождение и привязанность как хозяйка дома» [16, с. 219].

Гендерная асимметрия данного законодательства сразу бросается в глаза. «Любовь» и «повиновение», представленные здесь как основа семейных отношений, — не что другое, как манипулятивные термины, позволяющие оправдать существовавшие отношения неравенства в распределении властных полномочий, которыми, как клеймом, была отмечена российская семья. Если муж, согласно законодательству, обязан «любить» (читай — содержать жену «по состоянию и возможности своей»), то женщина должна была повиноваться супругу и угождать ему. В такой трактовке муж наделялся правами, напоминающими права рабовладельца, имеющего, по большому счету, только одну обязанность — кормить свою домашнюю невольницу [13, с. 46].

Комментируя данное законодательство, юрист Р. Иеринг писал, словно подтверждая рабовладельческую природу подобного союза: «Глава дома, основывающий семью, должен держать правление в своих руках, если желает, чтобы семья не распалась» [6, с. 194].

Данная традиция была отнюдь не нова. Ее «родословная» теряется в веках истории российского патриархата, лишь иногда обнаруживая себя в сохранившихся документах, регламентирующих сферу семейных отношений. Еще древнерусский князь Владимир Мономах поучал своих сынов: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой». Естественно, что при наличии столь строго структурированных отношений подчинения, существовавших в российских семьях и отразившихся в законах, насилие над женой стало лишь одной из стратегий установления единоличной патриархальной власти мужа в семье [13, с. 46].

Как отмечает известный историк Наталья Пушкарева, уже в XI — XII вв. проводились судебные дела, связанные с домашним насилием. «И он, Иван, в таких молодых летех пьет, и напився пьян свою жену бьет и мучит», — говорится в одном из таких дел [14, с. 127].

Стоит, однако, осознать, что отношение к женщинам на Руси не всегда было столь

однозначно сурово. Оно начало значительно ухудшаться и следовать принципам патриархатного канона примерно с середины XVI в., когда были изданы запретительные указы, «исключавшие женщин привилегированного сословия из числа распорядительниц, а нередко и получательниц недвижимости» [17, с. 331]. До этого женщины находились в более выгодном положении. Так, например, как пишет Н. Пушкарева, «сравнительно долго (почти до XIV в.) держалась на Руси традиция давать некоторым детям не «отчества», а «матерства» (Олег Настасьич, Василько Маринич), т. к. родство по матери считалось поначалу не менее почетным, чем родство по отцу» [17, с. 311].

Английский дипломат, посетивший Россию в середине XVI в., уже отметил глубокое неравенство в положении женщин: «Женщины находятся в большом послушании у своих мужей: им строго запрещено выходить из дома, кроме особых случаев» [7, с. 46].

В начале XVII в. польский путешественник писал о московских нравах: «Мужчины не допускают женщин в свои беседы, не позволяя им даже показываться на люди, кроме одной церкви. Да и тут каждый боярин, живущий в столице домом, имеет для жены церковь, не в далеком расстоянии от своего двора... Комнаты для женщин строятся в задней части дома, и хотя к ним вход со двора по лестнице, но ключ хозяин держит у себя, так что в женскую половину можно пройти только через его комнату. Из мужчин не пускают туда никого, не исключая домашних. Двор же за комнатами женскими обгораживается таким забором, что разве птица перелетит через него. Здесь-то женщины прогуливаются. Если хозяин гостю рад, то выводит к нему жену и детей...» [7, с. 46].

Наиболее известным и полным из подобных документов является «Домострой» (XVI век), сборник советов по устройству семейной жизни, «некий устав о мирском строении: о том, как жить православным христианам в миру с женами, детьми и с домочадцами, как научать их и поучать, и страхом спасать и запрещать строго» [5, с. 244]. Не обладая юридической силой, этот устав, тем не менее, при помощи

значительной поддержки со стороны как православной церкви, всегда игравшей важную роль в пространстве, как большой политики, так и государственных структур, обладая силой морального характера.

Женщина в «Домострое» была представлена как беспомощный объект попечения и воспитания, как неразумное существо, нуждающееся не только в постоянной опеке и надзоре, но и в наказании:

«Следует мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением; жены своих мужей вопрошают о всяком порядке, о том, как душу спасти, богу и мужу угодить и дом свой подобру устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению и согласно тому, что здесь писано» [5, с. 287].

Однако свою наиболее печальную известность «Домострой» получил в связи с содержащимися в нем советами по избиению провинившихся жен и домочадцев. Это, пожалуй, один из немногих документов, открыто вводящих домашнее насилие как одну из основ семейного устройства и идеологически санкционирующих его широкое применение как техники контроля за своими близкими. Так, например, «Домострой» не рекомендует использование железных или деревянных предметов для наказания провинившихся, так как «многие беды от того случаются: слепота и глухота ...наступают головная боль и боль зубная, а у беременных женщин и дети в утробе повреждаются» [5, с. 300].

Вместо этого книга добросердечно советует использовать для наказания плеть: «Плетью же, наказывая, осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово». Не удивительно, что, имея такую традицию, домашнее насилие, подкрепленное полным бесправием женщин, становится не просто эпизодом в семейной жизни россиян, но ее организующим принципом, важной составной частью. Насилие над женщинами становится «невидимым», трактуется как нечто само собой разумеющееся, как обыденная сторона семейной жизни, что-то типа семейного ужина.

Но там, где есть насилие, проявляется и сопротивление ему. Женщины уже тогда пытались протестовать и бороться против системы патриархальной власти. Как отмечает Н. Пушкарева, уже «в судебных делах конца XVII в. можно встретить жалобы жен на битье мужей, в том числе в период беременности: “И ныне у меня от того битья младенец в брюхе трепещется”, — жаловалась одна из них» [17, с. 333].

Необходимо также учитывать, что концепция семьи, существовавшая в то время, резко отличалась от ее современной модификации. Так, границы брачного возраста изменялись на протяжении веков и регулировались церковью и государством, постепенно увеличиваясь. С другой стороны, концепции «брака по любви» долгое время не существовало в России, это значительно более позднее «изобретение», которое явилось продуктом развития идей романтизма и сентиментализма в XVIII веке. До этого браки заключались, в первую очередь, по экономическим и социальным мотивам. И. С. Кон пишет: «...Ни церковь, ни общество, ни община не считали любовь ни необходимым, ни достаточным условием для брака. Первые документальные свидетельства о значении эмоциональных факторов при заключении брака появляются не ранее XVII века. Индивидуальная привязанность была возможной, желанной, но несущественной. Здесь действовал принцип: «Стерпится — слюбится» [8, с. 45].

Если романтические «поправки» к подобному положению дел были внесены, в основном, в среде нарождающейся интеллигенции и дворянства, то, как замечает Кон, в крестьянской общине данный подход к брачному союзу сохранялся достаточно долго, и даже в начале XX в. можно было услышать следующую историю, не являющуюся уникальной:

«В первых числах мая 1910 года состоялась наша свадьба с девушкой Марьяной, с которой живу донныне. Мы поженились, не зная и не думая ни о какой любви, даже не зная друг друга до свадьбы. Так делали все. Нужна была жена в доме, работать, стирать, варить. Конечно, знал я и она, что будем спать вместе и будут у нас дети, которых надо растить и воспитывать.

Всего родилось у нас 10 детей, из которых 6 выросло» [8, с. 46—47].

Новая модель брачных отношений, проявившаяся особенно ярко в среде столичного просвещенного дворянства, вызывала яростную критику со стороны консерваторов. Например, историк И. Н. Болотин писал о том, что «уничтожая подчинение жены, уничтожается и сожитие мирное приетное», так как равноправие в браке «есть противоборствие порядку и природе, есть буйство, безличие, безобразие» [14, с. 179].

Насилие в отношении женщин подкрепляется в то время и их полным политическим бесправием, которое даже наиболее радикальным политическим группам казалось естественным и отвечающим некоей «природе» женщины. Так, даже в проекте конституции декабристов женщина трактуется как неразумное существо, которое не может быть субъектом политических прав. Хотя, по этому проекту, новый Двухпалатный парламент «обычно допускает присутствие зрителей» на своих заседаниях, «женщинам и несовершеннолетним всегда возбраняется вход в Палаты» [11].

Поэтому не удивительно, что те немногие из судебных дел по проблеме домашнего насилия, проводившихся в XVIII в., завершились практически безрезультатно:

«Так, в 1731 г. жена бригадира Дмитрия Порецкого обратилась с жалобами на мужа, который, по ее словам, бил ее, оставлял без пищи, не допускал духовника. Другая «бригадирша», Мария Потемкина, жаловалась четверть века спустя, что муж бьет ее, «нимало не смотря» на возраст — 70 лет, и просила поскорее развести. Однако оба дела оставили без внимания. В одном из дел середины XVIII в. истицей была княгиня, которую от побоев и жестокого обращения мужа пытался защитить ее брат. И вновь никакого решения принято не было» [14, с. 189].

В XVIII—XIX вв. развод получить для женщины было невозможно. Причинами для развода могли стать только смерть супруга (или его безвестное отсутствие в течение 5—10 лет), уход в монастырь, супружеская измена или

физическая неполноценность одного из супругов. При этом и здесь присутствовало неравноправие женщин и мужчин. Так, при разводе по причине прелюбодеяния общественная мораль и суд следовали Правилам Василия Великого (330—379 гг.): «Сблудивший не отлучается от сожительства с женою своею, и жена должна принять мужа своего... но муж оскверненную жену изгоняет из дома» [14, с. 239].

Жестокое обращение в число причин для развода не входило. Однако женщины продолжали оказывать сопротивление патриархальным традициям и предпринимали безнадежные попытки добиться возможности развода по причине жестокого обращения со стороны мужа. В XVIII — начале XIX вв. сотни женщин обратились в суды с жалобами на избиения [14, с. 243]. Практически все они остались без ответа. Мужья могли безнаказанно издеваться над женами при полном попустительстве закона.

Первые попытки коренного пересмотра общественных взглядов к вопросам домашнего насилия появляются только в XIX в.

Либеральные шестидесятые годы XIX в. внесли некоторые коррективы в понимание и переоценку интеллигенцией современного положения женщины и вопросов устройства семьи. Романтическое восприятие брачного союза, характерное для XVIII в., обрело новое звучание в свете концепций «социальности» и «справедливости», утверждающихся в общественной мысли России.

Конец царствования Николая I был бурным периодом в истории России. Конфликт «отцов и детей», достигший своего пика именно в это время, спровоцировал противостояние двух противоположных друг другу дискурсов, которые вылились в жесткую полемику (острую «борьбу текстов») на страницах периодических изданий. Такие журналы, как «Современник», «Русское слово», «Русский вестник» подвергли острой критике и ревизии существующий порядок вещей. В их поле зрения попал и «женский вопрос».

Признавая положение дел, связанное со статусом женщины в семейном союзе, никуда не

годным, либералы и революционеры 1860-х стали искать иные рецепты устройства брачной жизни. Базировавшиеся отчасти на выводах из работ Сен-Симона, Фейербаха, Фурье и Бюхнера, отчасти — на романах Жорж Санд, завоевавших в то время огромную популярность в России, эти рецепты, во многом отмеченные социальным утопизмом, сыграли свою роль в формировании в среде интеллигенции нового взгляда на идеальный брачный союз, основанный уже не на чувстве, а на определенной социальной позиции. Так, например, знаменитый хирург Н. Пирогов был одним из первых профеминистски настроенных мужчин. Его очерк «проблемы жизни», критикующий положение женщин в обществе и семье, произвел очень сильное впечатление на современников. Другой видный представитель либеральной мысли, публицист М. Михайлов, в своей статье «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860) подверг ревизии бытовавшее в обществе представление о том, что женщина является вещью, принадлежащей мужу.

Опубликованный в начале 1860-х роман Николая Чернышевского «Что делать?», который, по мнению бельгийской исследовательницы Каролины де Магд-Соэп, представляет собой «лучший манифест женской эмансипации» [12, с. 154], также сыграл решающую роль в коренном пересмотре либеральной интеллигенцией существующего подхода к браку.

Как отмечает еще одна исследовательница Ирина Паперно, «следствием романа Чернышевского было ... распространение фиктивных браков», когда молодые мужчины, «новые люди», формально женились на девушках для того, чтобы освободить их из-под ига патриархальных семейных отношений:

«Для поборников освобождения 60-х и 70-х гг. фиктивный брак был чем-то несравненно большим, чем уловкой для преодоления юридических препятствий к независимости женщин. В нем видели идеальный брак, союз, призванный не только удовлетворять «личные чувства и ощущения» (иными словами, служить личному счастью), но служить и всеобщему счастью — реализации общего

дела» [9, с. 116].

Роман Чернышевского сыграл важную роль и в переосмыслении отношения интеллигенции к статусу женщины в брачном союзе. Возможно, впервые в истории российской литературы главная героиня открыто заявляла своему будущему мужу: «Все основано на деньгах, у кого деньги, у того власть и право, говорят ваши книги; значит, пока женщина живет на счет мужчины, она в зависимости от него, так-с, Дмитрий Сергеич? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой, нет, Дмитрий Сергеич, я не дозволю вам быть деспотом надо мною; вы хотите быть добрым, благодетельным деспотом, а я этого не хочу!..» [18, с. 141—142].

Несмотря на утопизм, содержащийся в идеях либералов-шестидесятников, их ревизия существующего порядка вещей ввела домашнее насилие в пространство обсуждаемых и комментируемых тем. Невидимое прежде, оно начало обретать очертания серьезной проблемы в критическом дискурсе, созданном в 60-х годах, стало визуализироваться и — как следствие этого — широко обсуждаться. Так, в 1872 г. молодой либеральный журналист Валериан Назарьев, только что назначенный мировым судьей в один из сельских уездов, с ужасом писал: «Одна за другой ко мне стали являться крестьянские бабы со сплошным кровавым пятном вместо лица и, судорожно рыдая, распухшими, дрожащими губами рассказывали о зверском обращении с ними мужей» [19, с. 129].

Что отвечал им мировой судья? Точнее, что мог он им ответить в ситуации существования как законов, отмеченных глубоким гендерным неравенством, так и общественного мнения, поддерживающего патриархатные установки? Как мы отмечали выше, домашнее насилие являлось сложным продуктом долгой патриархатной традиции. Юрист Н. Лазовский, либерал, один из сторонников судебной реформы в сфере семейных отношений, писал в 1883 г., что основу подобного положения дел следует искать именно в патриархатном устройстве семейных отношений, когда «народ смотрит почти на всякое проявление

самостоятельности жены как на унижение мужа».

«Положение крестьянской женщины в обыденной жизни случайно, оно всецело зависит от произвола мужа, ибо нормы обычного права по данному вопросу так неопределенны и так много дают простора злоупотреблению мужчин... Как мало внимания обращено на личность жены и в обычном праве, и в положительном законодательстве... В среде крестьянства произвол и своеволие более видимы, так как они выражаются в более осязательных формах, физических страданиях жены от побоев мужа; в среде мещанства страдания жены еще ужаснее, так как муж нередко живет за счет жены, бьет ее, буйствует, она же остается совершенно беззащитной; в среде высших классов это своеволие мужа уже более или менее скрыто, часто оно почти неуловимо для глаз постороннего, выражается в тайных нравственных страданиях жены и в силу этого по действующему праву является вовсе не подлежащим суду по причине отсутствия относящихся к данному вопросу статей закона» [19, с. 131, 133—134].

Шестидесятые годы попытались ответить на проблемы, связанные с домашним насилием, организацией первого подобия женского движения. «Это было особенное время, — вспоминала позже одна из его участниц. — Открылись женские гимназии, где «лавочки» могли учиться рядом с девочками порядочных семейств. Шли смутные толки о том, что женщины должны «ходить в университет», уже шепотом поговаривали о девушках, бежавших из родительского дома» [4, с. 71].

В 1870 г. Мария Цебрикова, сотрудница «Отечественных записок» и общественная деятельница, в своем предисловии к российскому изданию книги Дж. С. Милля «Подчиненность женщины» подвергла резкой критике существующие взгляды на положение женщины в семье, говоря о том, что «общество, то есть мужчины, обрекая женщин на вечную зависимость и подчиненность, выработало свой идеал женщины» [15, с. 155].

«Покорность, беззаветная, всевыносящая преданность и нежность стали проповедоваться

как первые женские добродетели. Высшим достоинством женщины была верность; полюбив раз, она должна была любить всю жизнь, любить, несмотря ни на что. Надо сознаться, что идеал был придуман очень ловко. От мужчины, для того чтобы сохранить эту любовь и самоотверженную преданность, не требовалось никаких стараний, никакой нравственной обязанности. Муж мог быть пошляком, негодяем, и жена была обязана любить его» [15, с. 156].

Говоря о домашнем насилии, Цебрикова обращает внимание на то, что «ничто живое не подчиняется насилию без протеста», и приводит как пример подобной самозащиты статистику убийств: «Число женщин-убийц гораздо менее числа убийц-мужчин, а, несмотря на это, число женщин, убивших мужей, гораздо более, чем число мужей, убивших жен» [15, с. 149].

В 70-х гг. начали работать первые Высшие женские курсы в рамках частной инициативы. Возникли и общественные благотворительные организации, управляемые женщинами преимущественно из высших слоев общества, появились и первые трудовые объединения женщин [10].

Какой бы эпизодической ни была эта активность, зачастую ограниченная классовыми или образовательными требованиями, она сыграла решающую роль в росте женского самосознания и в создании определенной женской идентичности, необходимой для появления массового женского движения.

Первый Всероссийский женский съезд, состоявшийся в 1908 г., был результатом именно этой активности. На нем присутствовали тысячи участников — представительниц разных групп, объединений, женских фракций политических партий и т. п. Естественно, что на съезде коснулись и вопроса о положении женщины в семье. Так, например, в своей программной речи представительница Организационной комиссии съезда А. Шабанова подвергла острой критике тогдашнее положение женщины: «Наше законодательство лишает женщину даже в отводимой ей специальной области, семье, самых примитивных прав человека: права на свободное передвижение, права на труд — и всецело подчиняет ее воле

мужа. Такое же отношение к женщине нашего устаревшего закона является и в наследственном праве, все преимущества которого предоставляются мужчине: вопросы брака, о праве на развод, об удержании детей — всей тяжестью обрушиваются на женщину» [1, с. 173].

Е. Бландова, одна из выступающих на этом съезде, также в своей речи охарактеризовала современный институт брака как институт порабощения женщины, причем с помощью силы: «Ведь самый упрощенный способ заставить себя бояться — это выносить побои, что мужья нередко и проделывают» [2, с. 267]. Касаясь вопроса домашнего насилия, Е. Бландова сказала: «Жестокое обращение одного супруга с другим все еще не может служить по нашему современному законодательству поводом к разводу. Жене в таких случаях предоставляется право обращаться с жалобой в суд, и если жестокое обращение будет доказано на суде (синяки, кровоподтеки), то буяна мужа сажают под арест. Само собой разумеется, что весьма мало находится жен, подающих жалобу на своих мужей, ибо они хорошо знают, что, отбыв наказание, мужья будут им жестоко мстить» [2, с. 269—270].

Как видим, ситуация с домашним насилием волновала лидеров женского движения уже в 1908 г. Через десять лет была предпринята радикальная попытка решить эту проблему.

Список библиографических ссылок

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
2. Бландова Е. О современном положении русской женщины // С. Айвазова. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
3. Гольштейн А. Из воспоминаний бывшей феминистки. Доисторические времена // Преображение. № 3. М., 1995.
4. Домострой. М., 1996.
5. Иеринг Р. Право и цель. СПб., 1981.
6. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
7. Кон И. С. Вкус запретного плода. М., 1997.
8. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
9. Либоракина М. Обретение силы. М., 1996; Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
10. Дружинин Н. М. Избранные труды. М., 1985.
11. См.: Магд-Созп К. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь. Екатеринбург, 1999.
12. Пискалова М., Синельникова А. Между молчанием и криком. История, культура и домашнее насилие. М., 2004.
13. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997.
14. Цебрикова М. Подчиненность женщины. М., 1998.
15. Райх В. Сексуальная революция. СПб; М., 1997.
16. Человек в кругу семьи / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996.
17. Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1985.
18. Энгельштейн Л. Ключи счастья. М., 1996.